

Е.Б. Гришаева

ЯЗЫК КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ И КАК ОБЪЕКТ ВОЗДЕЙСТВИЯ ПОЛИТИКИ

Аннотация. Статья представляет собой опыт исследования функционального аспекта языковой политики и языкового планирования и определяет назревшую необходимость разрешения социально-лингвистических проблем полиэтнических и поликультурных государств в условиях глобализованного мирового пространства. Проведенное исследование отвечает общей тенденции использовать междисциплинарные теоретические положения широкого спектра социальных и политических наук: лингвистики, социологии языка, философии и политологии. В рамках системного подхода с использованием множественных общенаучных, лингвистических и социолингвистических методов и подходов предложено описание внешней языковой политики и планирования с учетом национальной специфики мягкой силы, получившей интерпретацию в социолингвистическом аспекте. В ходе лингвистического анализа конструкции *мягкая сила* выявлены некоторые общие и национально обусловленные факторы в восприятии указанного понятия в современном политическом дискурсе русскоязычных и англоязычных медиатекстов. С использованием лексико-семантического анализа выявляются ассоциативно-семантическое поле понятия «мягкая сила» и изучаются последствия его воздействия на культуры, включенные в глобализационный процесс, национальная специфика восприятия *мягкой силы*, а также ее аксиологические характеристики, свойственные носителям различных лингвокультур. Особенности *мягкой силы* демонстрируют два подхода к трактовке понятия: 1) *мягкая сила* как ресурс привлекательности, манифестирующий воздействие концептосферы языка и национально-языковой картины мира на систему социокультурных кодов, и 2) *мягкая сила* как ресурс воздействия, обусловленный манипулятивным потенциалом речевого воздействия, которое в сочетании с информационной политикой может существенно влиять на сознание, а также систему убеждений и ценностей языковой личности. Привлеченный к анализу языковой материал выявляет тенденции, иллюстрирующие взаимодействие интра- и экстралингвистических факторов реализации языковой политики и планирования в современных социополитических условиях. Лежащая в основе исследования концепция сформировалась в ходе социолингвистического изучения многоаспектных проблем современного многополярного мира и темы «Взаимодействие языка и общества».

Ключевые слова: языковая политика; языковое планирование; мягкая сила; концептосфера языка.

Введение

В современном противоречивом и взаимозависимом мире пристальное внимание ученых привлекают социолингвистические разра-

ботки и исследования. Изучение проблем функционирования языка в связи с развитием общества является актуальной тематикой. Такие практические аспекты, как языковое планирование и языковая политика, проблемы культуры речи, междисциплинарная и международная интеграция, приобретают все большее значение.

Специфика языковой политики как неотъемлемой части этнонациональной политики, с одной стороны, и междисциплинарного объекта исследований на стыке смежных наук – социолингвистики, философии, политологии, социологии и лингводидактики, с другой стороны, состоит в том, что для ее изучения применяют в равной мере данные и методы как социальных, так и лингвистических исследований.

В теоретическом плане данная тематика представляется исключительно актуальной, поскольку исследует языковую политику и языковое планирование как совокупность практических мер воздействия на функциональную сторону языка. Философские основания изучения данных социополитических феноменов связаны с происхождением языка, антропоцентричностью, местом человека в процессе общественного развития, а также с оценкой возможности и степени воздействия на язык человека и общества. В данном контексте размышлений заметим, что вопрос о возможности целенаправленного властно-управленческого регулирования в исследуемой области в истории языкознания решался по-разному. Именно в этом состоит одно из существенных противоречий данного предмета.

С наступлением третьего тысячелетия активизировалась деятельность социолингвистов, которые пытаются с определенной долей достоверности представить прогноз, касающийся будущего функционирования языков в мировом масштабе. В современном контексте глобализации политика, направленная на обмены и разнообразие, представляется одной из главных целей по обеспечению поддержания и сохранения культур и языков.

Аксиоматично также положение, что в условиях глобализации возрастает конкуренция между языками, выступающими движущей силой мировых социоэкономических обменов. Глобализация выводит на авансцену и тем самым утверждает культуру, несущую отпечаток экономического и технического развития. Именно под воздействием экономики происходит выстраивание новой субординационной модели языковых и культурных показателей.

Как метко заметил Ж. Дюма, «глобализация представляется в двух аспектах: она несет потенциальную силу выражения и инновации, а также риск маргинализации культур» [1. Р. 49]. Многие государства выражают обеспокоенность тем, что действие правил рыночной экономики в секторах культуры может привести к ее однородности. Чтобы этого не произошло, предлагается оказывать всестороннюю поддержку языкам и культурам на их территории.

Далеко не все современные языки обладают одинаковым спектром функциональной загрузки. Как свидетельствует мировой опыт, крупные культурные общности способны оказывать существенное политическое влияние, ассимилируя более мелкие и слабые культурные образования. Отношения между периферическими культурами определяются характером связей, существующих между ними и центральной культурой. Так, Ж.-М. Кликенберг напоминает, что «будучи вовлеченным в социальные игры язык имеет свою форму существования; один и тот же язык может использоваться в различных ситуациях. Будучи языком меньшинства, он может быть достоянием богатого и влиятельного меньшинства. В случае если язык принадлежит мажоритарной группе, он может быть языком как доминирующих, так и подчиненных слоев общества» [2. Р. 66].

В данном контексте закономерно возникает вопрос: кто формирует основы и проводит принципы языковой политики в жизнь и для кого они предназначены?

Самым важным наблюдением является то, что размышления по поводу политических аспектов языка крайне редко доходят до лиц, ответственных за проведение политики, как внутри государства, так и на международном уровне. Ослепленные исторически сложившимися мифами о превосходстве того или иного языка, они с трудом понимают, что в языке и через него проступают многочисленные социальные проблемы, решение которых зависит именно от них – лиц, наделенных управленческой авторизацией. Следствием такой политической близорукости выступает прискорбный факт: язык постепенно превращается в фетиш. Для современного момента, как никогда, характерна конкуренция между языками за сферы функционирования. В данном соревновании одерживает верх английский язык, выполняющий роль языка власти и престижа, являясь одновременно вторым языком большинства населения планеты. Культура, лежащая в его основе, обогащает язык высокой эмоциональной ценностью, которая, в свою очередь, не может не вызывать верноподданнические чувства, сравнимые по силе с религиозными, семейными или политическими.

Так, в условиях глобализации, языкам, находящимся на периферии сложившейся культурно-языковой парадигмы, уготована роль находиться в положении некой добавочности: даже мировые языки по социолингвистической категоризации противостоят английскому языку, отвечая на вызов времени и пытаясь сохранить свою жизнеспособность, используя собственный синергетический потенциал. Однако ведущие идеологи Запада видят в данном обстоятельстве еще одну возможность для сотрудничества и сближения, теперь уже в сфере так называемой мягкой силы. Взаимодействие противоборствующих сторон начинает постепенно формироваться с помощью торговли и обра-

зования, т.е. «снизу вверх», спекулируя на способности добиваться своих целей привлекательностью и убедительностью программных установок и приоритетов.

Характерной особенностью глобализационного периода, обусловленной действием фактора знаниевой экономики, является, по мнению С.К. Гураль и В.М. Смокотина, «создание новых межкультурных структур, которые репрезентируют новейшую глобальную культуру и служат базой для ее развития <...>, не принадлежащие ни к одной стране», описываются в литературе как «оверстрат интеллектуалов» (особенная группа людей, обладающая способностями эффективно использовать информацию и знания в повседневной коммуникации); «креативный класс»; «малые организационные группы и др.» [3. С. 18]. Оверстрат интеллектуалов отличается новой культурой, требующей для своего развития ключевых компетенций, которые включают, согласно данным доклада Совета культурного сотрудничества Европы (1996), способность ненасильственно решать конфликты, сотрудничать с людьми других культур, учиться в течение всей жизни, владеть письменной и устной коммуникацией, информационными технологиями [Там же].

Методология исследования

Корпус методов, используемых в работе, включает в себя общенаучные, лингвистические и социолингвистические методы:

– индуктивный метод (наиболее приемлемый для социолингвистических работ для выведения общего правила из наблюдений над ограниченным (хотя и достаточно большим и разнообразным по своей природе) количеством фактов, подчиняющихся этому общему правилу);

– дедуктивный метод (подходящий для функциональных описаний и выявления как социолингвистических закономерностей в целом, так и актуализаций изучаемого предмета в частности);

– метод моделирования (с его помощью были индуктивно выведены теоретико-прогностические модели внешней языковой политики и языкового планирования в поликультурном и многоязычном пространстве. В качестве моделей-образцов отобраны фиксированные, повторяющиеся, типичные признаки объекта и предмета исследования, выявленные в результате обобщения фактического материала);

– описательный метод (используемый для изучения и анализа комплексной проблемы языкового планирования и языковой политики и порождающий приемы их функциональной интерпретации в социолингвистических терминах с учетом связи исследуемых объектов с явлениями неязыкового порядка);

– системно-функциональный метод (используемый для исследования функционального статуса языков в общем контексте современных динамических тенденций);

– сравнительно-сопоставительный метод (позволяющий не только показать суть сопоставляемых социолингвистических концепций в синхронии и диахронии, но и типизировать их разновидности и пути их развития либо в целом, либо на тех или иных исторических этапах и дающий возможность не только более четко вскрыть специфику изучаемых аспектов языкового планирования и языковой политики в конкретной языковой ситуации, но и познать их общие и индивидуальные социально-функциональные свойства языков, составляющих конкретную языковую ситуацию в различных сферах общественной жизни, а также проанализировать сходства и различия в подходах различных государств к вопросам языковой политики и планирования);

– контент-анализ (интегративный и дифференцированный анализ содержания и основных понятий исследования ракурсов проблемы в философии, лингвистике культурологии, социологии языка, правоведении, синергетике, используемый для отбора контекстов и исследования частотности использования лексических единиц. Данный подход позволил выявить семантику понятия «мягкая сила», являющегося ключевым для понимания целей, задач и методов внешней языковой политики и планирования);

– наблюдение (выражающееся в планомерном и целенаправленном восприятии объекта исследования – внешней языковой политики и языкового планирования. В процессе наблюдения отбираются факты, устанавливаются признаки исследуемого объекта, уточняется предмет наблюдения и описания разнообразных тенденций развития языковой политики в поликультурных пространствах. С упором на многочисленные монографические характеристики проводится анализ результатов регламентации языковой стороны этносоциальных процессов в современных обществах).

Исследование

Классическая теоретическая интерпретация восходит к взглядам Ф. де Соссюра, полагавшего, что язык развивается согласно объективным законам, т.е. «языковая деятельность не регулируется какими-либо человеческими нормами; человеческий разум не может постоянно корректировать и направлять ее и не делает этого» [4. С. 4]. Однако И.А. Бодуэн де Куртене, напротив, подчеркивал социальную природу языка и утверждал необходимость ссылаться в лингвистических исследованиях на психологию и социологию, тем самым допуская возможность и целесообразность организованной сознательной политики в

области языка [5. С. 9]. Похожей точки зрения придерживается В.М. Алпатов, отстаивающий важность сознательных факторов языкового развития. По мнению исследователя, «лингвист слагается: 1) из реального строителя (и эксперта в строительстве) современных языковых (и географических) культур, для чего требуется изучение языковой современной действительности, самодовлеющий интерес к ней...; 2) из языкового политика, владеющего (хоть в ограниченных, пусть, размерах) прогнозом языкового будущего опять-таки в интересах утилитарного языкового строительства (одной из разновидностей “социальной инженерии” будущего); 3) из “общего лингвиста” и, в частности, лингвистического историолога...» [4. С. 4].

Одной из первопричин возрождения социолингвистики и превращения ее в самостоятельную область современного языкознания является реакция на основные положения дескриптивизма. Сам факт появления социолингвистического направления еще раз доказал, что языкознание не может ограничиваться абстрактным лингвистическим анализом, формальными методами исследования и изучением лишь внутривидовых отношений в языке. Иными словами, в мировой науке постепенно произошло осознание необходимости объяснения языковых изменений с учетом внешних факторов. Рассмотрение социальных структур и языка как явлений динамических, а не статичных, признание того, что язык находится в постоянном процессе приспособления к изменяющимся условиям жизни общества, являются важными предпосылками социолингвистических исследований. В силу указанных обстоятельств, предметом анализа социолингвистики стали неомогенность и изменчивость языка.

Современная историография изучения социолингвистических сущностей свидетельствует о выделении двух направлений исследования языка в русле политической науки: язык как инструмент реализации политической власти и язык как объект воздействия политики. Данное разделение легло в основу зарождения политической лингвистики и лингвополитологии на стыке с юриспруденцией, занимающейся изучением политико-правовых основ языковой политики и ее законодательного обеспечения [5. С. 9].

В условиях современного общественного развития языковое планирование осуществляется в различных странах мира, исходя из разных методологических и идеологических концепций. Заслугой американской социологии языка явилось утверждение жизнеспособности идеи о возможности человека влиять на свой язык, активно участвуя в кодификации и нормализации конкретных языков, разрабатывая и совершенствуя их общественные функции.

Известно, что в 1952 г. была создана Школа языка и лингвистики, в задачу сотрудников которой входило знакомить дипломатов с основ-

ными проблемами в области языковой политики и анализа пропаганды. Деятельность данной школы во многом определила на рубеже 1950–1960 гг. дальнейшее развитие в рамках американской социологии языка такой сферы научного поиска, как языковое планирование.

Для разрешения проблем языкового и этносоциального толка в США при Научно-исследовательском Совете общественных наук был создан Комитет по социолингвистике. В задачу данного Комитета входило координировать деятельность ряда американских университетов, проводить международные симпозиумы и конференции по широкому кругу национально-языковых проблем, включая и вопросы языкового планирования.

Заметим, что сходной проблематикой в бывшем Советском Союзе занимался Научный совет по комплексной проблеме «Закономерности развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций», основанный в 1963 г. при Институте языкознания АН СССР. В научных трудах отечественных корифеев лингвистической науки В.В. Виноградова, В.А. Аврорина, Г.В. Степанова, В.Н. Ярцевой, Ю.Д. Дешериева, Л.Б. Никольского, А.Д. Швейцера, М.И. Исаева и многих других были рассмотрены закономерности становления и эволюции различных литературных языков, предприняты попытки теоретического обоснования и осмысления отдельных проблем многонационального государства, каковым был Советский Союз.

Переходя к методологическим обоснованиям американской социолингвистики, следует заметить, что, будучи неоднородной в своих теоретических концепциях, она находится под воздействием лингвистрановедческих идей современного семантического позитивизма, которые нашли свое воплощение в «социальной антропологии». В рамках этого течения утвердился взгляд на язык как на составной элемент культуры, трактуемой расширительно и включающей в себя структуру социальных отношений. На этой основе возникла теория изоморфизма языка и культуры, языка и социальной структуры. Причем, как язык, так и социальная структура (культура) понимаются как совокупность норм социального поведения [6, 7].

Два течения мысли, интеракционизм и этнометодология, активно заявившие о себе в 1950-е гг. прошлого столетия, отказываются от функционального и структуралистского подходов и превращают индивида в агента, который определяется условиями жизни, принуждаемый социальными структурами и обусловленный институтами. Главным для обоих подходов является неременный учет социальных отношений исходя из смысла жизни и выстроенных самими агентами стратегий.

В 1950–1960-е гг. возникла Вторая Чикагская школа с новым поколением социологов, развивавших идеи интеракционизма: С. Беккер, Э. Гофман, Э. Леметр, А. Штраус и др. Интеракционистская школа за-

имствовала у Первой Чикагской школы прагматизм или предрасположенность к опросам в малых сообществах и использованию неколичественных методов (биографии, встречи, включенное наблюдение и т.д.). Они восприняли также наследие Дж. Мида, который выдвинул гипотезу о том, что общество строится и воспринимает себя как результат совокупности межиндивидуальных обменов. Его работы о социальных взаимодействиях способствовали становлению целого направления в социологии, получившего название «символический интеракционизм». В чем сущность и содержание данного направления в понимании Д. Мида? Ряд категорий, которые использовал Мид в своих работах, открывает термин «коммуникация». «Принцип, который, как я предполагаю, является основным в социальной организации, есть коммуникация, вовлекающая других в процесс соучастия. Он требует присутствия других в самости, идентификации других с самостью, обретения самосознания через других» [8. С. 495]. Данное определение указывает на то, что коммуникация проявляет сущностные характеристики общества и индивида, их единство, достигаемое в процессе взаимного приспособления.

Специфику коммуникации Д. Мид усматривал, прежде всего, в ее символичности – качестве, присущем лишь человеческой коммуникации. Символичность коммуникации есть результат эволюции человека и содержание развития отношений общества и личности. В акте символического взаимодействия участвуют объекты, прошедшие социальную «обработку» в процессе воспитания и социализации. Символика жеста и языка, по мнению Мида, позволяет существовать обществу в его определенной качественной целостности и человеку в его специфической социальной природе.

Особое значение в системе символов принадлежит языку. Язык, в понимании ученого, есть не что иное, как голосовой жест. По значимости в жизни общества и человека он не имеет себе равных. Человечество знает самые разные языковые формы, каждая из которых имеет свою символику. В этом и состоит их социальная ценность. Язык звуковых жестов, с одной стороны, приобрел наибольшую значимость в системе коммуникации, посредством ее. С другой стороны, символичность коммуникации в корне меняет сложившееся представление о механизме социального поведения.

Д. Мид рассматривал символическую коммуникацию как опосредующее звено отношения между стимулом и поведенческой реакцией индивида. В коммуникации кодируется стимул. Он получает конкретно-историческую культурную интерпретацию и вызывает соответствующий ответ деятеля. В акте коммуникации непосредственно определяется значение стимула. Значение представляет собой реакцию, которую вызывает некоторый объект (жест) как у того, к кому он обращен, так и

того, кто его производит. Значение – это «значащий символ». Люди мыслят посредством символов, являющихся универсальными, поскольку универсальны их значения.

Исследуя межличностные отношения индивидов, т.е. отношения микроуровня социальной системы, Мид в то же время придавал существенное значение учету влияния макросистемы. Иными словами, Д. Мид рассматривал межличностные отношения с учетом общей социальной перспективы, что, без сомнения, позволяет говорить о социологической ориентации его исследований. В своих работах ученый продемонстрировал созидательную силу активности личности и ее родовую связь с историей общества.

Помимо традиционных исследовательских тем, касающихся выбора языка / языков для изучения в качестве родного или иностранного, соблюдения языковых прав миноритарных групп населения, организационных основ языкового образования, работы последнего времени вводят в научный обиход понятие языковой политики и планирования (ЯПП) и обосновывают допустимость и целесообразность использования данного терминологического деривата [5, 9]. Так, О.А. Селиверстова понимает под термином «языковая политика и планирование (ЯПП)» «деятельность по планированию и реализации воздействий на язык и его функционирование в обществе, а также теоретические и идеологические предпосылки, лежащие в основе этой деятельности» [5. С. 10]. Одновременно автор вводит понятие «внешняя ЯПП», представляющее собой теоретические и идеологические установки, а также мероприятия по распространению языка за пределами государства. Анализ внешней ЯПП увязывается с концепцией мягкой силы государства, которая «задает рамки соответствующей деятельности по распространению языка» [Там же].

Междисциплинарный характер исследовательского предмета *soft power* восходит к авторской концепции Джозефа С. Найя младшего (англ. *Joseph S. Nye, Jr.*; род. 1937) – американский политолога, ведущего эксперта по международным вопросам, разрабатывающего ряд направлений в рамках неолиберализма. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. он занялся исследованием *теории комплексной взаимозависимости*, ставшей одной из значимых концепций в мировой политике, экономике и дипломатии. В настоящее время Дж. Най является профессором Гарвардского института государственного управления им. Джона Ф. Кеннеди. В фокусе его профессиональных интересов по-прежнему находятся внешнеполитические проблемы, связанные с глобализацией и универсальной взаимозависимостью.

Суть его *теории мягкой силы* состоит в следующем: Дж. Най видит главное преимущество *мягкой силы* перед военной или финансовой мощью в способности привлечь кого-либо благодаря ценностному со-

держанию внешней политики, а не простому набору материальных рычагов давления. Иными словами, он рассматривает три компонента, с помощью которых государство способно оказывать воздействие: *культура* (там, где она популярна, как в случае американской pop culture или французской haute couture), *ценности* (причем не только их декларирование, но и следование им) и *внешняя политика* [10–12]. *Мягкая сила* в трактовке Дж. Ная – это способность влиять на других для достижения желаемого результата за счет привлекательности и убеждения, т.е. заставить объекты доминирования «хотеть того, чего хотите вы». Далее он с довольно цинично разъясняет эту идею. Нужно, чтобы широкие массы в странах-объектах доминирования США захотели кока-колы и ярких вещей, красивых машин и уютных коттеджей, американской поп-культуры, голливудских блокбастеров и «навороченных» компьютеров и... и... и многого другого [13].

Возвращаясь к теме языковой политики, целесообразно увязать определенные сознательные усилия институциональных структур по оказанию воздействия на функциональную сторону языка с информационной революцией последних двух десятилетий. С ее приходом возросло воздействие *мягкой силы* на миллениалов (millennials), получивших в третьем тысячелетии больший доступ к информации. Справедливости ради стоит заметить, что меняется не скорость передачи информации, а снижается ее стоимость. Всем известен факт: когда цена технологии быстро снижается, информация становится легко доступной и безбарьерной.

Последствием информационной революции явились рассредоточение и постепенный переход власти от правительств к привлекательным для молодого поколения негосударственным субъектам, начиная от крупных корпораций и некоммерческих организаций до специальных неформальных групп. Иными словами, негосударственные акторы – основные проводники *мягкой силы*, существуя в «другом измерении» международных отношений, оказывают непосредственное влияние на мировые процессы, зачастую пользуясь ресурсами *soft power*.

Ярким примером смены культурной и языковой парадигмы на международной арене может служить деятельность международных неправительственных организаций, тонко проводящих в жизнь свою политику на территории субъекта манипуляции. Достаточно обратить внимание на современный Китай, который создает сотни институтов Конфуция по всему миру, чтобы учить своему языку и культуре. Китай тратит миллиарды на увеличение своего международного радио- и телевидения, усиливает собственную привлекательность экономической помощью бедным странам. В последнее десятилетие было принято называть эти усилия «Китайское Наступление Очарованием» (China's Charm Offensive).

Разумеется, Китай пока не имеет глобальной культурной инфраструктуры уровня Голливуда, не обладает «железной хваткой» *мягкой силы* США. Китайские университеты пока проигрывают американским и не могут конкурировать на равных с некоммерческими американскими организациями, которые создают большую часть Американской *мягкой силы*. Как отметил в свое время британский журнал *The Economist*, «партия не купила у господина Ная совет о том, что действие мягкой силы происходит от личностей, частного сектора и гражданского общества. Так что государство взялось продвигать древнюю культуру, которая, как они считают, может иметь глобальную привлекательность» [14].

Таким образом, выделяя понятийное ядро феноменологического концепта *мягкая сила*, можно предположить, что оно состоит из таких сем, как *возможность, инструмент, влияние и ресурсная база*, представленная культурой, идеологией, ценностями и кластером «экономика + язык».

Интернационализация образования как общемировой тренд также оформилась под воздействием *мягкой силы*. Не осталась в стороне от глобальных тенденций и система образования и науки Российской Федерации. Университетские чиновники находятся под жестким контролем министерских чиновников, детерминированных повысить международный рейтинг российских ведущих национальных исследовательских и федеральных университетов за счет перевода учебных планов и рабочих программ на английский язык и конвертирования интеллектуального капитала российских ученых и преподавателей в статью национального дохода. При этом удивляет позиция чиновников от образования, которые в отсутствие сколько-нибудь внятной языковой политики на государственном уровне, направленной на возвращение русскому языку статуса престижного языка мирового уровня, с одновременным расширением спектра его функциональных возможностей, кодификацией и нормированием корпуса языка, продолжают беззастенчиво множить декларации о придании английскому языку дополнительного потенциала, с помощью которого возможно без труда интегрироваться в общемировое научное, образовательное и культурное пространство. Одновременно с этим можно наблюдать, как в учебных планах всех без исключения направлений подготовки сокращаются часы по дисциплине «Иностранный язык».

Противоречивый характер процессов, захлестнувших общественно-политическую жизнь России, свидетельствует о поиске собственной модели «мягкого» внешнеполитического воздействия: ряд исследователей считают, что Россия «почти безвозвратно утратила свой довольно значительный потенциал “мягкой силы”, который достался ей после распада Советского Союза... Ресурс этот был (отчасти еще и остается)

довольно существенным, он включает в себя: информационно-культурное влияние России на страны СНГ, возможность беспрепятственного распространения продукции российской теле- и киноиндустрии, музыкальных произведений, научно-образовательную привлекательность российских вузов» [15. С. 192]. Существует еще одна точка зрения, согласно которой «потенциал российской “мягкой силы” настолько ослаблен, что говорить о ее реальном вкладе в реализацию отечественной внешней политики как минимум преждевременно: когда-то Россия распространяла свое влияние благодаря русскому языку. Но эти каналы воздействия отошли в прошлое» [16].

В данном контексте представляется целесообразным отметить, что важными акторами или трансляторами *мягкой силы* России являются российская диаспора за рубежом (свыше 30 млн человек, занимает второе место по численности после китайской среди иностранных диаспор), Русская православная церковь, иностранные организации бывших выпускников российских и советских вузов. В этой связи не стоит забывать о деятельности Совета по русскому языку при Правительстве РФ, Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, Фонда «Русский мир», целью которых является координирование продвижения русского языка и культуры.

Итак, в основе внешней языковой политики лежит распространение языка под воздействием *мягкой силы*. Языковая политика реализуется через многочисленные каналы: культурные и обменные программы, разветвленную сеть грантов и стипендиальных программ, лоббирование интересов зарубежных некоммерческих организаций. Более того, правительства США, Великобритании и Австралии совместно с информационными ресурсами, обеспеченными возможностями современных информационных технологий, способствуют переводу международного английского языка как языка-макропосредника в статус достаточного и необходимого условия для отнесения его к субъектам и объектам *мягкой силы*.

По словам основоположника *мягкой силы*, господина Дж. Ная, «большая часть мягкой силы выражается гражданским обществом <...> не правительством <...> Китай и Россия ошибаются, полагая, что что правительство – основной инструмент мягкой силы». Американский «универсализм» культуры и внешняя политика продвигают общие интересы и ценности другим странам. Заимствованная у Лакло и Муффа теория дискурса отражается в дискурсе Ная, где термин «мягкая сила» рассматривается как «узловая точка» или «ключевое слово», которое способно определить значение других означающих дискурса и присваивает ему определение «мягких энергетических ресурсов» [17].

В этой связи важным будет отметить, что дискурсивный анализ контекстов свидетельствует о низкой степени ассимиляции конструк-

ции *мягкая сила* в русском языке. Данный факт подтверждается графической вариативностью и семантической диффузностью. Как отмечает О.А. Селиверстова, «мягкая сила» преимущественно понимается как 1) потенция, способность оказывать воздействие; 2) ресурс привлекательности; 3) влияние. Указанные значения находят свое отражение в синонимической парадигме, представленной выражениями *мягкое влияние, мягкие формы влияния, мягкие позиции, мягкая безопасность*. Антонимическая парадигма включает в себя словосочетания *грубая сила, военная сила, жесткая сила*. Наиболее частотная оппозиция основана на лексеме *военная* и в разных контекстах реализует семы «военная» и «принуждающая» [5. С. 16].

Исследователь отмечает при этом, что ассоциативно-семантическое поле конструкции *мягкая сила* на материале дискурса СМИ имеет выраженную доминанту, представленную компонентом *страна*. На периферии АСП расположены компоненты *культура, образование, язык*, что позволяет предположить о формировании специфического восприятия *мягкой силы* РФ, основанной на гуманитарных ценностях [Там же. С. 17]. В сопоставительном плане можно отметить, что «лексико-семантический анализ национальной специфики “мягкой силы” позволил выявить и описать тематические поля изучаемого понятия для США и КНР, отражающие национально обусловленные особенности его восприятия... Ядро образуют лексемы “принадлежность к государству”, “сфера деятельности – политика”, ареал деятельности – “мир”. Компонентам периферии соответствуют *global, government, foreign, international, people, president* (США); *global, government, foreign, international, people, nation* (КНР)» [Там же. С. 18].

Заключение

Учитывая вышеизложенное, отметим, что проанализированные языковая политика и языковое планирование как внешние инструменты влияния на потенциальные субъекты и объекты имеет существенный потенциал для дальнейших исследований. Так, в фокусе интереса социолингвистов и социологов языка могут быть политические и идеологические аспекты языковой политики и планирования, последствия проводимой языковой политики в поликультурных ареалах мира с точки зрения прав миноритарных языков и культур. На микроуровне важными представляются дальнейшие исследования в сфере выбора языков обучения в образовательных учреждениях и выявление взаимосвязей и взаимозависимости языкового обустройства лингвистического атласа многонациональных государств от проводимого языкового менеджмента на соответствующих территориях.

С наступлением новой эры промышленной революции умная политика стала сочетать в себе «твердую» и «мягкую» силу. При этом к *hard power* государств относят экономическую и военную мощь. *Soft power* характеризуют тремя основными компонентами: *культурой*, определяемой как набор значимых для общества ценностей, *политической идеологией* и *внешней политикой*, понимаемой как дипломатия в широком смысле слова. Характерно, что первые два компонента – исторически сложившееся наследие нации. Третий компонент, напротив, является субъективным фактором, привносимым находящимися у власти политиками.

Одним из эффективных каналов наращивания потенциала *мягкой силы* может быть так называемая народная дипломатия. Центральная роль в ее осуществлении принадлежит информационному ресурсу и контролю над информационными потоками. Дж. Най, выделив в свое время три измерения народной дипломатии, а именно ежедневное направленное освещение американских внешнеполитических акций, «стратегическое общение», под которым он подразумевал фокусированное обсуждение наиболее важных для США политических тем, и, наконец, развитие прямых контактов с иностранной аудиторией посредством системы обменов, программ научных стипендий, позволяющих зарубежным гражданам лично знакомиться с Соединенными Штатами, американской системой культурных ценностей и, что важно, сферой образования, наибольшее внимание уделял последнему.

Понятие «мягкая сила» было включено в российскую Концепцию внешней политики еще в 2013 г. Сравнительно-сопоставительный анализ последствий, результирующих набирающих силу рычагов влияния США, КНР, Японии, Германии, Австралии и других государств, без всякого сомнения, детерминирует поиск идентификационной ниши для российской культуры на международном уровне. Одновременно с этим все острее ощущается необходимость смены вектора развития научно-образовательного пространства в Российской Федерации. С одной стороны, инвестирование правительства в «человеческий капитал» неуклонно ведет к повышению уровня образования и росту численности среднего класса в стране и повышению его дохода, превращая его представителей «в самую многочисленную социальную группу со своей системой культурных ценностей, оказывающей значительное влияние на национальную культуру» [3. С. 17]. С другой стороны, Россия стоит перед выбором: оставаться интеллектуальным донором для развитых стран или выводить ступени системы образования на уровень интернационализации, конкурентоспособности в общемировом масштабе и возвращения национальной культуре, русскому языку и российскому образованию престижной и символической цивилизаторной роли.

Литература

1. *Dumas G.* La mondialisation et la diversité linguistique: la nécessaire dialogue // Le français, le défi de la diversité. FIPF, 2005.
2. *Klitenberg J.-M.* La diversité linguistique: un dogme ou un programme. FIPF, 2005.
3. *Гураль С.К., Смокотин В.М.* Межъязыковая и межкультурная коммуникация в период глобализации // Язык и культура. 2013. № 4 (24). С. 14–23.
4. *Гришаева Е.Б.* Типология языковых политик и языкового планирования в полиэтническом и мультикультурном пространстве (функциональный аспект) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2007. 46 с.
5. *Селиверстова О.А.* Языковая политика как инструмент реализации «мягкой силы» в политическом дискурсе XXI века (на материале российских, американских и китайских СМИ) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2017. 21 с.
6. *Pike K.* Language in Relation to a Unified Theory of Structure of Human Behaviour. Paris : The Hague, 1967.
7. *Grimshaw A.D.* Sociolinguistics // Advances in the Sociology of Language / ed. by J.A. Fishman. Paris : The Hague, 1971. P. 92–151.
8. *Желтов В.В., Желтов М.В.* История западной социологии: этапы, идеи, школы : учеб. пособие для вузов. Кемерово : Кузбасс, 2004. 850 с.
9. *Baldauf R.B.* Language Planning and Policy: Recent Trends, Future Directions. URL: <http://www.cilp.net/>
10. *Nye J.* Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. N.Y., 1990.
11. *Nye J.* Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.Y. : Public Affairs Group, 2004.
12. *Най Дж.* Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике. М. : Тренд, 2006. 397 с.
13. URL: <http://smartpowerjournal.ru/soft-power/>
14. URL: <http://confuciusinstitute.unl.edu/institutes.shtml>
15. *Будаев А.В.* «Мягкая сила» во внешней политике России: истоки, особенности, перспективы // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. Вып. 48. С. 189–205.
16. *Казанцев А.А., Меркушев В.Н.* Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы» // Полис. 2008. № 2. С. 122. URL: http://www.politstudies.ru/index.php?id=3968&page_id=453
17. *Хуань Сунь Ле.* Двойственность мягкой силы. URL: <http://www.geopolitica.ru/article/dvoystvennost-myagkoy-sily-rossii>

Сведения об авторе:

Гришаева Елена Борисовна – доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой делового иностранного языка Института экономики, правления и природопользования ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Россия). E-mail: bld_imes@sfu-kras.ru; e-grishaeva@mail.ru

Поступила в редакцию 15 января 2018 г.

LANGUAGE AS A POLITICAL POWER AND AS AN OBJECT OF THE IMPACTING POLICY

Grishaeva E.B., Doctor of Linguistics, Associate Professor, Chair of Business Language Department at the Institute of Economics, Management and Environmental Studies, SibFU (Krasnoyarsk, Russia). E-mail: bld_imes@sfu-kras.ru; e-grishaeva@mail.ru

Abstract. A framework for and overview of the key elements of language policy and language planning and their functional aspect is featured in the article. Solving socioeconomic issues within polyethnic and multicultural nations under globalizing world order is also a sharp focus of the paper in question. It first addresses a common trend to apply multidisciplinary theoretical approaches of a wider spectrum of social and political studies to linguistics, sociology of language, philosophy and polity. The analysis then envisages general scientific, linguistic and sociolinguistic methods applied onto the language policy and planning covering the concept of the “soft power” as an influential instrument for providing principles of language policy both on the national and transnational levels. Within each of these areas, key articles outlining mainstreamed recent directions are discussed indicating the new found issues of the globalizing world. Modern political discourse of domesticated and international media contents reflect both common and culture-induced national factors that influence on the perception of the concept “soft power” in different countries. Insightful analysis of the lexical units determines a field of semantic associations of the concept “soft power” and its impacting consequences on globally emerging cultures and their axiological characteristics of the referring linguacultures. A “soft power” concept embraces two interpretations: 1) *soft power* as an appealing resource, featuring a greater impact of the culture-centred language concept sphere on the system of sociocultural language codes and 2) *soft power* as an impacting resource, containing a manipulative discursive potential, which together with media policy produces influential impacts on consciousness, standpoints and values of the speakers. Applied analytical material elicits trends illustrating interconnection of intra and extra linguistic factors of the specific language policy and planning implementation. Thus, the grounded point of view had been shaped within the frame of sociolinguistic study of diverse issues of modern multipolar world and the topical area “Language and Culture”.

Keywords: language policy; language planning; soft power; language concept sphere.

References

1. Dumas G. (2005) La mondialisation et la diversité linguistique: la nécessaire dialogue // Le français, le défi de la diversité. FIPF.
2. Klikenberg J.-M. (2005) La diversité linguistique: un dogme ou un programme. FIPF.
3. Gural' S.K., Smokotin V.M. (2013) Mezhh'azykovaya i mezhhkulturnaya kommunikatsiya v period globalizatsii [Interlingual and intercultural communication in the period of globalization] // Jazyk i kul'tura – Language and Culture. 4 (24). pp. 14–23.
4. Grishayeva E.B. (2007) Tipologiya yazykovykh politik i yazykovogo planirovaniya v politnicheskom i multikulturnom prostranstve (funktsional'nyy aspekt) [Typology of language policies and language planning in a multi-ethnic and multicultural space (functional aspect)]. Abstract of Philology doc. diss. Саратов.
5. Seliverstova O.A. (2017) Jazykovaya politika kak instrument realizatsii "myagkoy sily" v politicheskom diskurse XXI veka (na materiale rossiyskikh, amerikanskikh i kitayskikh SMI) [Language policy as an instrument for implementing "soft power" in the political discourse of the 21st century (on the basis of Russian, American, and Chinese media)]. Abstract of Philology cand. diss. Velikiy Novgorod.
6. Pike K. (1967) Language in Relation to a Unified Theory of Structure of Human Behaviour. Paris : The Hague.
7. Grimshaw A.D. (1971) Sociolinguistics// Advances in the Sociology of Language / ed. by J.A. Fishman. Paris : The Hague. pp. 92–151.
8. Zheltov V.V., Zheltov M.V. (2004) Istoriya zapadnoy sotsiologii: etapy, idei, shkoly [The history of Western sociology: stages, ideas, schools]. Ucheb. posobiye dlya vuzov. Kemerovo : Kuzbass.
9. Baldauf R.B. Language Planning and Policy: Recent Trends, Future Directions. URL: <http://www.cilp.net/>
10. Nye J. (1990) Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York.

11. Nye J. (2004) *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York : Public Affairs Group.
12. Nye J. (2006) *Gibkaya sila. Kak dobitsya uspekha v mirovoi politike* [*Soft Power: The Means to Success in World Politics*]. M. : Trend.
13. URL: <http://smartpowerjournal.ru/soft-power/>
14. URL: <http://confuciusinstitute.unl.edu/institutes.shtml>
15. Budayev A.V. (2015) "Myagkaya sila" vo vneshney politike Rossii: istoki, osobennosti, perspektivy ["Soft power" in Russia's foreign policy: origins, features, prospects] // Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik. 48. pp. 189–205.
16. Kazantsev A.A., Merkushev V.N. (2008) Rossiya i postsovetskoye prostranstvo: perspektivy ispol'zovaniya "myagkoy sily" [Russia and the Post-Soviet space: prospects for using "soft power"] // Polis. 2. p. 122. URL: http://www.politstudies.ru/index.php?id=3968&page_id=453
17. Huan Sun Le. Dvoystvennost' myagkoy sily [Duality of soft power]. URL: <http://www.geopolitica.ru/article/dvoystvennost-myagkoy-sily-rossii>

Received 15 January 2018